

ВАЙНШТЕЙН Г.И.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНС- ФОРМАЦИЙ

На протяжении последних десятилетий в различных регионах мира происходят глубокие политические изменения, общим знаменателем которых является существенное ослабление позиций авторитаризма и соответствующее распространение вширь системы политической демократии. После крушения на рубеже 80-90-х годов коммунистических режимов, господствовавших в Советском Союзе, Центральной и Восточной Европе, современная политология утвердилась в понимании процесса сужения сферы авторитарной власти как некоего глобального явления, меняющего в целом политический облик мира. При всей болезненности и сложности происходящих перемен, при всей неоднозначности и противоречивости общественно-политического развития в странах, переживающих поставторитарные трансформации, прогрессирующее укрепление демократических форм правления стало рассматриваться политической теорией в качестве доминирующей тенденции общественной эволюции конца XX столетия, представляющей собой один из наиболее впечатляющих феноменов общемирового масштаба.

Всесторонний анализ разных аспектов и конкретных проявлений этого феномена вот уже в течение длительного времени объединяет усилия множества ученых-обществоведов. Осуществленные ими многочисленные исследования привели к формулированию ряда важных выводов и концептуальных обобщений, позволяющих уяснить основные тенденции и динамику поставторитарных трансформаций; осознать факторы, обуславливающие характер происходящих изменений; уточнить сущность проблем, встающих перед странами в ходе общественных преобразований; выявить пути и возможности их наиболее эффективного разрешения; наконец, оценить реальные перспективы процессов демократизации в странах «поставторитарного перехода».

Одним из важнейших аспектов нынешнего феномена общественных трансформаций является социально-политическое развитие последнего десятилетия в посткоммунистических странах. Конечно, было бы упрощением говорить о том, что процессы, происходящие в посткоммунистическом регионе, аналогичны изменениям, имеющим место в других регионах поставторитарного развития, таких, как Южная

Европа, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия. Конкретный характер соотношения этих, во многих отношениях сугубо специфических, потоков современных политических трансформаций вызывает дискуссии среди представителей политической науки и, в особенности, сформировавшейся в ее рамках относительно самостоятельной научной субдисциплины, получившей название «транзитология». Окончательного решения этой проблемы до сих пор не найдено. Некоторые исследователи, признавая в принципе необходимость рассмотрения процессов, идущих в посткоммунистических странах, как одного из составных элементов общемирового феномена поставторитарных перемен, подчеркивают существование серьезных аналитических трудностей при сопоставлении этих процессов с демократическим развитием в других регионах мира.

Наиболее радикальные возражения против включения посткоммунистических стран в сферу общей «поставторитарной компаративистики» были, в частности, высказаны в 90-х годах такими американскими транзитологами как С.Терри¹, Ф.Шмиттер и Т.Л.Карл² и, особенно, В.Банс³. К числу самых последних работ, обращающих внимание на уникальность поставторитарных трансформаций в бывших коммунистических странах (в сравнении с процессами демократизации в других регионах мира), относится, например, статья венгерского политолога Р.Токеша⁴.

Действительно, было бы неверным преуменьшать национально-историческое, культурное и социально-политическое своеобразие условий и обстоятельств общественных трансформаций в посткоммунистических странах. Однако пониманию происходящих здесь процессов не способствует, на наш взгляд, и переоценка исключительности посткоммунистических реалий. Думается, что анализ опыта и уроков беспрецедентных перемен, происходящих в посткоммунистическом мире, значительно обогащает и уточняет видение того глобального процесса, который определяется хантингтоновским понятием «третьей

¹ S.M.Terry. Thinking about Post-Communist Transitions: How Different Are They? «Slavic Review», Vol.52, N.2, 1993 (pp.333-337).

² Ph.C.Schmitter with T.L.Karl. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far East Should They Attempt to Go? «Slavic Review», Vol.53, N.1, Spring 1994 (pp.173-185); T.L.Karl and Ph.Schmitter. From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism? «Slavic Review», Vol.54, Winter 1995 (pp.965-978).

³ V.Bunce. Should Transitologists Be Grounded? «Slavic Review», Vol.54, N.1, 1995 (pp.111-127); Idem, Comparing East and South, «Journal of Democracy», Vol.6, N.3, July 1995 (pp.87-100); Idem, Regional Differences in Democratization: The East Versus the South, «Post-Soviet Affairs», Vol.14, N.3, 1998 (pp.187-211).

⁴ R.L.Tókes, Transitology: Global Dreams and Post-Communist Realities, «Central Europe Review», Vol.2, N.10, 13 March 2000.

волны демократизации». В то же время общие знания о характере, движущих силах и возможных результатах поставторитарных трансформаций, накопленные к настоящему времени политической наукой, способствуют более целостному и трезвому осмыслению закономерностей и логики «посткоммунистического развития».

Этапы демократического перехода

События конца 80-х годов, отмеченные падением Берлинской стены и внезапно быстрым развалом коммунистических систем в странах Центральной и Восточной Европы, а затем и на просторах Советского Союза, вызвали поначалу широкую эйфорию и в бывших коиммунистических странах, и в сообществе развитых демократий. Среди представителей зарубежной политологии немалую популярность приобрели на рубеже 80-х – 90-х годов утверждения о приходе новой эры, выражающемся в повсеместном и бесповоротном перекраивании политической карты мира в соответствии с эталонами западной либеральной демократии. Американским политологом Ф.Фукуямой был выдвинут весьма претенциозный тезис о «конце истории как таковой», провозгласивший достижение человечеством «конечной точки его идеологической эволюции» и «универсализацию западной либеральной демократии в качестве конечной формы человеческого правления».⁵

Однако мировая политическая наука достаточно быстро сумела понять, что крах авторитарных форм правления отнюдь не тождественен непосредственному и безболезненному переходу бывших авторитарных обществ в новое демократическое качество. «Как некая формула, – констатировал французский политолог Г.Эрме, – тезис о «веке демократии» выглядит справедливым. Но, подобно всем абстрактным формулам, этот тезис является, вместе с тем, неким упрощением».⁶ Осмысление подлинных реальностей общественно-политических трансформаций, идущих в различных регионах мира и в особенности в посткоммунистических странах, привело западных исследователей к пересмотру высказанных ими в конце 80-х – начале 90-х годов поспешных триумфалистских суждений. Как подчеркнул З.Бжезинский в статье, посвященной подведению итогов первых лет посткоммунистических трансформаций, один из основных уроков, которые следует извлечь из анализа происходящих изменений, заключается в том, что ожидания, связывавшиеся с крахом коммунизма наблюдателями и по-

⁵ Fr.Fukuyama. The End of History? «The National Interest», N.16, Summer 1989, p.4.

⁶ G.Hermet. Introduction: The Age of Democracy? «International Social Science Journal», N.128, May 1991. P.249.

литиками и в бывших социалистических странах, и на Западе, «оказались слишком высокими и скорее наивными».⁷

В первой половине 90-х годов политологией все отчетливее осознается тот факт, что переход от авторитаризма к демократии не является неким одномоментным или же неуклонным линейным процессом с заведомо определенным, позитивным результатом. Широкое признание среди транзитологов получает мысль о том, что поствавторитарные изменения в целом и посткоммунистические преобразования, в частности, будут не только длительным, трудным и неоднозначным в различных странах процессом, но и могут быть чреваты попятным движением.

Эволюция взглядов транзитологов на сущность поствавторитарных перемен характеризуется не просто освобождением от первоначально свойственного им оптимизма, а уточнением прежних теорий генезиса демократии и выработкой новых методологических схем, позволяющих объективно, без эмоций и излишних иллюзий анализировать беспрецедентные общественные трансформации. И в этом плане особое значение приобретают выводы о расчлененности процесса демократизации на несколько этапов с собственной логикой и своими специфическими особенностями. Как отмечает, например, известный американский исследователь А.Пжеворски, процесс демократизации имеет два разных, хотя зачастую и совпадающих по времени аспекта: «выход из авторитарного режима и создание демократического режима».⁸ Причем первое отнюдь не обязательно влечет за собой второе. Становление демократии является «лишь одним среди ряда возможных результатов падения авторитарного режима».⁹ Конкретизируя эту мысль о двуступенчатом характере демократических преобразований применительно к изменениям в Восточной Европе, некоторые авторы формулируют тезис о необходимости разделения посткоммунистического перехода на два разных процесса: во-первых, разрушение существовавших до этого структур авторитарной власти, а во-вторых, создание новых политических структур, которые должны занять место прежних.¹⁰

В то же время, наряду с этими довольно общими, хотя и весьма принципиальными, констатациями, касающимися преимущественно специфики проблем возникновения институтов политической демократии, в современной политологии получают распространение и более сложные концепции, призванные послужить теоретической основой для объективного описания всей комплексности и противоречивости пере-

⁷ Z.Brzezinski. The Great Transformation, «The National Interest», N.33, Fall 1993, p.3.

⁸ A.Przeworski. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America, Cambridge, 1991, p.67.

⁹ Ibidem.

¹⁰ См. например: R.Bova. The Political Dynamics of the Post-Communist Transition. A Comparative Perspective, «World Politics», Vol.44, N.1, October 1991, pp.113-138.

ходных процессов в посткоммунистическом мире, а также для трезвой оценки их возможных перспектив. При этом существенным источником теоретических построений, используемых при характеристике посткоммунистических реалий, оказывается категориальный аппарат, разработанный транзитологией с учетом богатого и разнообразного опыта демократизации в латиноамериканских и южноевропейских странах.

Два понятия играют ключевую роль в этих теоретических построениях – «переход к демократии» (**transition**) и «упрочение демократической системы», или «утверждение демократии» (**consolidation**). Как отмечает один из авторитетнейших транзитологов, автор многочисленных исследований политического развития в странах Латинской Америки Г.О'Доннелл, общий процесс демократизации состоит не из одного, а двух последовательных переходов: первый (**transition**) ведет к «установлению демократического правительства»; второй (**consolidation**) – к «утверждению демократии», или к «эффективному функционированию демократического режима».¹¹ По сути дела, в первом случае речь идет о формировании институциональных основ демократической системы, обеспечивающих сменяемость политических лидеров посредством демократических процедур. Во втором случае имеется в виду упрочение самой демократии как общественно-политической системы, предполагающее приобщение подавляющей части общества (включая не только политические, общественные организации, институционализированные группы интересов, но и массовые слои населения) к ценностям демократии, осознание демократии как наиболее совершенной формы политического устройства по сравнению со всеми другими его формами.

Использование указанных понятий представляется крайне уместным с точки зрения анализа преобразований, идущих в посткоммунистических странах вообще и в России в частности. Концептуальное разграничение этапов «перехода к демократии» и «утверждения демократии» позволяет избавиться от элементов публицистической субъективности и эмоциональной оценочности при характеристике нынешнего состояния политических систем в бывших соцстранах и предоставляет возможность для гораздо более адекватного и теоретически строгого определения сущности той стадии развития, на которой они сегодня находятся. В частности, в свете упомянутых концепций весьма поспешными выглядят звучащие в отечественной литературе сугубо пессимистические суждения о «результатах» российской демократизации. Очевидно, наши выводы о «результатах» демократизации не могут быть корректными, если мы не избавимся от заблуждений относительно того, о каком этапе этой демократизации идет речь, и не отдадим себе отчет в том, что для

¹¹ G.O'Donnell. Transitions, Continuities. and Paradoxes, In: Sc.Mainwaring, G.O'Donnell and A.Valenzuela (Eds.), Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective, Notre Dame, 1992, p.18.

ряда посткоммунистических стран, включая и Россию, политическая повестка дня все еще в значительной мере определяется задачами первого этапа демократизации – то есть задачами становления и укрепления институциональных основ новой политической системы – нежели задачами второго этапа общественной трансформации, то есть формированием в обществе позитивного консенсуса в отношении норм и правил функционирования демократической системы.

Если говорить о России, то здесь, например, еще далек от своего завершения такой важный для первого этапа демократизации процесс, как становление партийно-политической системы. Существующая система партий остается чрезвычайно фрагментированной и слабо институционализированной. Все еще находятся в процессе развития институты российского федерализма. Еще не обрели окончательной формы отношения центра и регионов. При этом не следует полагать, что наблюдающаяся здесь затянутость первого этапа демократических трансформаций является некой сугубо специфической, не имеющей прецедентов отличительной особенностью лишь некоторых стран посткоммунистического региона. В действительности аналогичные тенденции характеризуют и поставторитарные трансформации в других регионах мира. К примеру, достаточно длительным оказался первый этап демократизации в некоторых латиноамериканских странах – в частности, в Бразилии, где он растянулся с середины 70-х чуть ли не до середины 90-х годов.

Конечно, было бы известным упрощением жестко разграничивать этапы поставторитарного развития некими хронологическими рамками и считать, что лишь после окончательного решения задач первого этапа демократизации общество обращается к решению задач ее второго этапа. В действительности период перехода к новой общественной системе может достаточно плавно и органично «перетекать» в период ее утверждения, и уже на первых стадиях трансформации наряду с формированием институциональных основ демократии может идти и процесс становления ее социально-психологических основ. И тем не менее справедливым представляется высказываемое западными исследователями современного феномена поставторитарных трансформаций мнение о необходимости видеть специфические особенности разных этапов демократического процесса. Как подчеркивает известная американская исследовательница Н.Бермео, «факторы, объясняющие происхождение демократии, должны быть аналитически отделены от факторов, объясняющих ее стабильность».¹²

Наиболее авторитетные на сегодняшний день трактовки «утвердившейся демократии» оценивают степень упрочения демократических ре-

---

¹² N.Bermeo. Democracy and the Lessons of Dictatorship. «Comparative Politics», Vol.24, N.3, April 1992, p.279.

жимов по трем параметрам – институциональному, поведенческому и социально-психологическому. Демократический режим является «утвердившимся», считают, например, политологи Р.Гюнтер, П.Диамандорус и Х.-Ю.Пуль, когда все «политически значительные» группы общества согласны с тем, что его ключевые политические институты обеспечивают «единственно легитимные рамки политического соперничества», и выражают приверженность «демократическим правилам игры».¹³ По мнению авторов, это определение включает в себя не только институциональный параметр, но и социально-психологический параметр, поскольку речь в нем идет о восприятии существующих политических институтов как «приемлемых и не имеющих легитимных альтернатив», а также поведенческий параметр, поскольку обращает внимание на необходимость согласия всех политически значительных групп действовать в рамках установленных норм и правил.¹⁴

Примерно такими же критериями при определении сущности «утвердившейся демократии» пользуются и такие известнейшие западные компаративисты, как Х.Линц и А.Штепан, в своей работе, посвященной анализу проблем перехода от авторитаризма к демократии в Южной Европе, Латинской Америке и посткоммунистической Европе.¹⁵ По их мнению, демократия становится утвердившейся на поведенческом уровне, когда ни одна значительная политическая группа не пытается свергнуть демократический режим или добиваться выделения из данного государства. На социально-психологическом уровне утверждение демократии происходит, когда перед лицом острого политического и экономического кризиса население в подавляющем большинстве своем сохраняет убежденность, что любые политические изменения должны происходить в «параметрах демократических формул». И на институциональном уровне демократию можно рассматривать как утвердившуюся, когда «все акторы в политике» исходят из того, что политический конфликт должен быть решен в соответствии с установленными нормами и что нарушение этих норм будет «и неэффективно, и дорогостояще». Иными словами, утверждение демократии означает, что она превращается в «рутинную и глубоко интернализованную форму социального, институционального и психологического существования», то есть становится, как пишут авторы, «the only game in town».¹⁶

При всем сходстве приведенных точек зрения, позиция Р.Гюнтера и его соавторов характеризуется одним существенным отличием: она

¹³ R.Gunter, P.N.Diamandorus, H.-J.Puhle. O'Donnell's «Illusions»: A Rejoinder, «Journal of Democracy», Vol.7, N.4, October 1996, p.152.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ См. J.Linz and A.Stepan. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe, Baltimore, 1996.

¹⁶ Ibid., p.5.

проводит различие между «достаточно утвердившейся» и «полностью утвердившейся» демократией. В соответствии с таким пониманием, демократический режим считается в **достаточной** мере утвердившимся, если он располагает «поддержкой и упругостью», позволяющими ему выжить и сохранить свою стабильность при столкновении с серьезными вызовами.¹⁷

Ясно, что подобное определение «утвердившейся демократии» носит менее категоричный характер, чем те, которые рассматривают в качестве одного из ее важнейших критериев приверженность демократическим нормам и ценностям подавляющей части всех индивидов. В отличие от сторонников концепций, связывающих утверждение демократии с почти полной трансформацией политической культуры поставторитарного общества, то есть с завершением процесса, способного растянуться на поколения, Р.Гюнтер и его соавторы допускают, что демократический режим может стать «достаточно утвердившимся в относительно короткий период времени».¹⁸ На их взгляд, это может произойти, например, в течение пяти лет после первых демократических выборов, как случилось в Испании, или же в течение трех-семи лет, как в Греции.

В свете нынешнего состояния общественного сознания в большинстве посткоммунистических стран, и в том числе в России, эта точка зрения представляется крайне важной. Например, в России политическая культура все еще остается весьма далекой от окончательного усвоения демократических ценностей, которое в ряде политологических концепций считается важнейшим фактором, обеспечивающим переход к «утвердившейся демократии». И в этом смысле теоретические допущения, позволяющие рассчитывать на достижение демократией «относительной прочности» в сравнительно краткосрочной перспективе, то есть еще до радикальной перестройки ценностно-нормативной структуры общественного сознания, дают основание для определенного оптимизма.

Вместе с тем некоторые транзитологи, обращая внимание на то обстоятельство, что первый этап демократизации является длительным и сложным процессом, далеко не всегда приходящим к своему логическому завершению, считают крайне важным с методологической точки зрения проводить различие между отдельными поставторитарными странами по степени их продвинутой на данном этапе политической трансформации. В частности, Х.Линц и А.Штепан полагают необходимым использовать наряду с общим понятием «демократический переход», характеризующим суть первого этапа поставторитарных изменений, еще одно понятие – «завершенный демократический переход». В их понимании переход к демократии можно считать завершенным,

---

¹⁷ R.Gunter et al. Op. cit., p.153.

¹⁸ Ibidem.

«когда достигнуто достаточное согласие относительно политических процедур, приводящих к власти избранное правительство; когда приход правительства к власти – прямой результат свободных и всеобщих выборов; когда это правительство *de facto* обладает властью для выработки новой политики; и когда исполнительная, законодательная и судебная ветви власти, созданные новой демократией, не должны *de jure* делиться своей властью с другими органами».¹⁹

Можно, очевидно, спорить относительно достоинств и недостатков этой формулы, страдающей, на наш взгляд, излишней нормативностью и явно несущей на себе печать неоднократно высказывавшихся Х.Линцем в его других работах суждений о преимуществах парламентской демократии.²⁰ Однако, независимо от отношения к этому определению, нельзя отрицать правомерность самой постановки вопроса о необходимости уточнения критериев, на основе которых можно было бы судить о «завершенности» или, напротив, «незавершенности» первого этапа трансформации – этапа перехода к демократии. Весьма уместной такая постановка вопроса выглядит, в частности, применительно к оценке пути, пройденного в процессе демократизации Россией, где, как известно, взаимосвязи между волеизъявлением масс и формированием правительства остаются достаточно опосредованными, а судьбы исполнительной власти находятся, главным образом, в руках президента.

Посткоммунистические реформы: асимметрия целей

В современной политической науке отмечается, что уникальность перемен, переживаемых рядом бывших коммунистических стран, связана с осуществлением ими не одного, а сразу нескольких труднейших «переходов». На тот факт, что в некоторых восточно-европейских странах происходит «тройная» трансформация (политическая, экономическая и территориальная), первым еще в начале 90-х годов обратил внимание немецкий политолог К.Оффе.²¹ Вслед за ним «триединый» характер радикальных преобразований в посткоммунистическом мире (создание плюралистической политической системы, рыночной экономики и новой государственности) стал подчеркиваться и многими

¹⁹ J.Linz and A.Stepan. Op. cit., p.3.

²⁰ См. например: J.Linz. The Perils of Presidentialism, «Journal of Democracy», Vol.1, N.1, Winter 1990, pp.51-69; Idem. The Virtues of Parliamentarism. «Journal of Democracy», Vol.1, N.4, Fall 1990, pp.84-91; Idem. Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? In: J.Linz and A.Valenzuela (Eds.), The Failure of Presidential Democracy, Baltimore, 1994, pp.3-87.

²¹ Cl.Offe. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe, «Social Research», Vol.58, Winter 1991, pp.865-892.

другими исследователями.²² «Посткоммунизм, – пишет, в частности, В.Банс, – это нечто значительно большее, чем переход к демократии; это революция, простирающаяся на политику, экономику и общественную жизнь».²³ Американский политолог Ф.Редер также говорит о трех одновременно произошедших в этом мире революциях: о национальной революции, в ходе которой возникли новые национальные государства, о политической революции, уничтожившей одни из самых прочных авторитарных режимов двадцатого столетия, и об экономической революции, ведущей к замене административной системы производства и распределения рыночной экономикой. Национальные, демократические и капиталистические революции, отмечает Ф.Редер, каждая из которых в отдельности потрясла в XVIII, XIX и начале XX столетия страны Западной Европы, прокатились почти одновременно в конце XX века по девяти коммунистическим странам, приведя к моментальному появлению на их месте двадцати восьми государств с новыми общественно-политическими системами.²⁴

Особой глубиной и масштабностью (в сравнении с преобразованиями в других посткоммунистических странах) отличаются российские «переходы». Наша страна, вставшая, как подчеркивают транзитологи, на путь одновременного перехода «от диктатуры к демократии», «от командной экономики... к свободному рынку» и «от империи, имеющей четырехвековую историю, к национальному государству»²⁵, оказалась в наиболее сложном положении вследствие своей отягощенности труднейшей ношей тоталитарного наследия, а также грузом проблем, порожденных ее огромными размерами, глубокой социальной, культурной и экономической неоднородностью и особой ролью в мировой политике. В начале 90-х годов отдельные исследователи, обращая внимание на многомерность общественных преобразований в России, подчеркивали, что речь здесь должна идти о «четырех революциях»: о «буржуазной революции», цель которой состоит в создании рынка и частной собственности, о «революции либерализации и демократизации» образованной части населения, о «революции реинтеграции» в сообщество западных стран, поддерживаемой новой буржуазией, образованными россиянами и военными, нуждающимися в западных технологиях, и, наконец, о «революции автономизации ре-

²² См. например: J.M.Nelson. How Market Reforms and Democratic Consolidation Affect Each Other. In: J.M.Nelson et al. (Eds.) *Intricate Links: Democratization and Market Reforms in Latin America and Eastern Europe*, New Brunswick, 1994, pp.1-36; Ch.Gati. If Not Democracy, What? Leaders, Laggards, and Losers in the Postcommunist World. In: M.Mandelbaum (Ed.) *Postcommunism. Four Perspectives*, New York, 1996, pp.168-198.

²³ V.Bunce. Comparing East and South. «*Journal of Democracy*», Vol.6, N.3, 1995, p.92.

²⁴ Ph.G.Roeder. The Revolution of 1989: Postcommunism and the Social Sciences. «*Slavic Review*», Vol.58, N.4, Winter 1999, p.743.

²⁵ D.Yergin and Th.Gustafson. *Russia 2010 and What It Means for the World*, New York, 1994.

гионов», идущей особенно активно там, где доминирует этническое население.²⁶

Вместе с тем препятствием к осуществлению посткоммунистических реформ является не только необходимость одновременной реализации целого ряда сложнейших задач, которые представляются особенно трудновыполнимыми в российских условиях. Перспективы этих реформ в огромной мере зависят и от того, насколько в принципе возможно совмещение весьма разнородных по своей сущности целей.

Проблема эта занимает существенное место в современных теориях посткоммунистического развития. При этом наибольшее внимание исследователей привлекает осмысление феномена одновременных радикальных реформ в политической и экономической сферах, обозначаемого термином «двойной переход» (*dual transitions*). «Все переходы в бывших коммунистических странах, – отметил еще в 1990 году Х.Линц, – фундаментальным образом отличаются от переходов, происходивших в странах Запада, из-за сложившихся здесь неэффективных, централизованных социалистических экономик. Этим странам предстоит осуществить экономические реформы и переходы к некой форме рыночной экономики одновременно с осуществлением политической реформы в результате политических перемен. Однако есть свидетельства того, что изменения экономической системы сопряжены с большими трудностями, чем политические изменения, отчасти из-за того, что пока еще не существует модели перехода от командной экономики к рыночной экономике и к некой форме капитализма».²⁷

Согласно исторически сложившимся закономерностям общественно-политического развития, постепенное созревание капитализма всегда являлось предпосылкой и в то же время катализатором установления демократических форм правления. Один из уроков истории, как подчеркивает американский политолог Р.Дач, состоит в том, что «по крайней мере, в прошлом рыночная экономика предшествовала возникновению демократических институтов».²⁸ В свете этого исторического опыта нынешнее стремление посткоммунистических стран перейти одновременно и к демократии, и к рынку является попыткой изменить складывавшуюся веками модель взаимосвязей между экономическими и политическими преобразованиями, которая представляет собой эксперимент, не имеющий исторических прецедентов.

Оценивая перспективы этого уникального эксперимента, многие исследователи констатируют чрезвычайную сложность и глубокую

²⁶ J.F.Hough. Russia – On the Road to Thermidor. «Problems of Post-Communism», Fall 1994, p.30.

²⁷ J.Linz. Transitions to Democracy. «Washington Quarterly», Summer 1990, p.156.

²⁸ R.Duch. Tolerating Economic Reform: Popular Support for Transition to a Free Market in the Former Soviet Union. «American Political Science Review», N.87, 1993, p.594.

внутреннюю противоречивость «двойного перехода». В частности, известный американский исследователь П.Бергер, рассуждая об отношении между демократическими и рыночными преобразованиями, называет их «асимметричными» и пишет, что «капитализм является необходимым, хотя и недостаточным условием демократии, тогда как демократия не является единственной предпосылкой капитализма».²⁹ Тезис об «асимметрии» демократии и рынка, по сути дела, повторяется и в рассуждениях Фр.Фукуямы. «Отношения между капитализмом и демократией, – отмечает он, – носят непрямолинейный характер. Сам по себе капитализм не создает прямого давления в пользу демократии. Он прекрасно уживается со многими формами авторитаризма (хотя, конечно, не с коммунистическим тоталитаризмом) и может даже процветать в недемократических системах. Но капитализм является более эффективным мотором экономического роста, чем социализм, и, таким образом, с большей вероятностью порождает быстрые социально-экономические перемены, которые благоприятствуют возникновению стабильной демократии».³⁰ Напряженными и негармоничными считает отношения между целями одновременного создания демократии и рынка американский исследователь Дж.Вейнтрауб.³¹

Однако гораздо чаще в современной политологии высказываются более категоричные суждения. Ряд авторов приходит к выводу о невозможности одновременной радикальной трансформации экономической и политической систем. При этом общий тезис о «несовместимости двух переходов» обосновывается двояким образом.

Одна система аргументации сосредоточивает внимание на процедурных аспектах осуществления экономических реформ, подчеркивая, что в условиях демократической системы невозможны решительные и быстрые действия, необходимые для радикальных изменений в сфере экономики. Процесс принятия решений в условиях демократической системы, особенно по вопросам, по которым в обществе отсутствует консенсус, усложняется длительными процедурами политического торга, различного рода согласований и поиска компромиссов. Еще сложнее обстоит дело с принятием решений в условиях «новых демократий». Как отмечает американская исследовательница Дж.Нелсон, в посткоммунистических странах законодательный процесс существенным образом парализуется появлением множества конкурирующих между собой новых политических партий и групп интересов. Возни-

²⁹ P.L.Berger. The Uncertain Triumph of Democratic Capitalism. In: L.Diamond and M.F.Plattner (Eds.) *Capitalism, Socialism and Democracy Revisited*, Baltimore, 1993, p.5.

³⁰ Fr.Fukuyama. Capitalism and Democracy: The Missing Link. In L.Diamond and M.F.Plattner (Eds.), *Op.cit.*, p.102.

³¹ J.Weintraub. Democracy and the Market. A Marriage of Inconvenience. In: M.L.Nugent (Ed.), *From Leninism to Freedom. The Challenges of Democratization*, Boulder, 1992, pp.47-66.

кающие на политической сцене партии, профсоюзы, ассоциации бизнеса и другие группы пытаются «блокировать некоторые аспекты экономической реформы», а также стремятся направить их в выгодное для себя русло.³² К тому же в условиях «новых демократий» процедурные трудности принятия решений, характерные вообще для любой политической демократии, усугубляются сложным, во многом еще неопределенным характером отношений в возникающих структурах власти. Все это самым негативным образом сказывается на реформировании экономики, приводя к резкому замедлению темпов экономических преобразований. В конечном счете, как пишет Дж.Нелсон, демократическая политика «обрывает» экономические реформы или же «вовсе пускает их под откос».³³

Другая система аргументации подчеркивает негативные, с точки зрения развития процесса демократизации, социально-психологические и политические последствия радикальных экономических преобразований. «Так же как демократизация может разрушить экономическую реформу, так и процесс экономической реформы может обратить основных социальных акторов против демократизации», – отмечают некоторые политологи.³⁴ Порождаемое перестройкой экономической системы ухудшение условий существования широких слоев населения, резкое падение их жизненного уровня и обострение социальной и материальной нестабильности в обществе вызывают глубокие разочарования масс. В связи с болезненными последствиями экономических реформ существенно снижается вероятность успешной реализации демократических преобразований. С одной стороны, имущие слои или группы среднего класса, напуганные выступлениями массового протеста, начинают использовать свое влияние или для усиления государственных репрессий, или, по крайней мере, для ограничения демократических свобод. С другой стороны, массы, разочарованные в способности демократии обеспечить удовлетворение их материальных запросов и ожиданий, становятся уязвимыми перед риторикой антидемократических сил, выступающих за авторитарные методы правления как за единственную альтернативу продолжению экономического упадка при демократии.

Опыт общественно-политического развития последних лет показывает, в частности в России, что обе эти тенденции оказываются весьма реальным препятствием на пути демократической трансформации. И авторитарные поползновения, проявляющиеся в политической практике центральной и особенно региональной российской власти, и явное уси-

---

³² J.M.Nelson. *Op.cit.*, p.9.

³³ *Ibid.*, p.8.

³⁴ L.E.Armijo, Th.J.Bierkster and A.F.Lowenthal. The Problems of Simultaneous Transitions. In: L.Diamond and M.F.Plattner (Eds.), *Economic Reform and Democracy*, Baltimore, 1995, p.229.

ление податливости значительной части россиян к соблазнам авторитарных решений и к идеям установления режима «жесткой руки» отражают остроту стоящей перед российским, как, впрочем, и перед любым другим посткоммунистическим, обществом проблемы одновременного осуществления рыночных и демократических преобразований. В то же время источник нынешней особой обостренности этой проблемы в России следует, очевидно, видеть не только в ее объективной сложности, но и в субъективных ошибках, допущенных посткоммунистической властью на начальном этапе общественной трансформации.

В связи с этим следует подчеркнуть, что современная транзитология, формулируя тезис о несовместимости экономического и политического «переходов»³⁵, отнюдь не ставит точку в рассуждениях на эту тему. Скорее, наоборот, этот тезис служит отправным пунктом в дальнейшей дискуссии о путях и способах разрешения данной проблемы. В подавляющем своем большинстве авторы, высказывающиеся по данному вопросу, придерживаются единой точки зрения: чтобы не попасть в «тупик несовместимости», следует избегать одновременного проведения политических и экономических реформ. Однако предлагаемые ими варианты такой стратегии принципиально различны. Одни авторы, отмечая то обстоятельство, что радикальные экономические преобразования требуют последовательных, решительных и в то же время непопулярных действий, которые могут быть осуществлены только сильной, авторитарной властью, считают, что проведение экономической реформы должно предшествовать демократизации режима. Другие говорят о рискованности подобной стратегии, обращая внимание, во-первых, на то, что многие авторитарные правительства терпят неудачу в либерализации своей экономики, а во-вторых, на то, что те из них, которым все же удается успешная экономическая реформа, утрачивают, по крайней мере, в краткосрочной перспективе импульсы к демократизации и используют свои достижения на ниве экономических преобразований как аргумент в пользу сохранения диктатуры.³⁶ Приверженцы этой позиции настаивают на том, что, прежде чем обратиться к проведению рыночных реформ, следует обеспечить укрепление демократии. Как отмечает известный шведский экономист-транзитолог А.Ослунд, «демократи-

³⁵ См. например: J.Elster. The Necessity and Impossibility of Simultaneous Economic and Political Reform. In: D.Greenberg et al. (Eds.), *Constitutionalism and Democracy: Transitions in the Contemporary World*, New York, 1993, pp.267-274.

³⁶ См.например: J.M.Maravall. The Myth of the Authoritarian Advantage. «*Journal of Democracy*», Vol.5, N.4, October 1994, pp. 17-31; M.Pei. The Puzzle of East Asian Exceptionalism, «*Journal of Democracy*» Vol.5, N.4, October 1994, pp. 90-103; B.Geddes. Challenging the Conventional Wisdom, «*Journal of Democracy*», Vol.5, N.4, October 1994, pp.104-118; O.G.Encarnacion. The Politics of Dual Transitions, «*Comparative Politics*», Vol.28, N.4, July 1996, pp.477-492.

ческий прорыв» (то есть переход к демократии) должен быть «первым шагом» в политическом и экономическом реформировании общества. «Демократический прорыв, – пишет он, – делает возможным переход к рыночной экономике».³⁷

Столкновение упомянутых точек зрения вовсе не является абстрактным теоретизированием. Они непосредственно спроецированы на анализ политической практики лидеров, осуществляющих реформы в поствотаритарных странах, и в этом смысле имеют непосредственное отношение к суждениям по поводу адекватности политического курса, избранного на переходном этапе новым руководством в тех или иных из бывших коммунистических стран, и в том числе в России.

Многие политологи, дискутирующие проблему выбора наиболее эффективной стратегии общественных преобразований, согласны в том, что единых методов преодоления «несовместимости двух переходов» не существует. Подходы, способные обеспечить результативность трансформационного процесса в одних странах или регионах, не обязательно годятся для ситуации в других странах. «Восточная Европа, – подчеркивают, например, американские компаративисты, – столкнулась с необходимостью полной перестройки государственных социалистических режимов и централизованных экономик. Латинская Америка нуждается в восстановлении демократии после десятилетий авторитарного управления капиталистическими экономикami. Восточная Азия добивается трансформирования авторитарных капиталистических государств. Любая попытка сформулировать общие политические рекомендации должна учитывать эти индивидуальные различия».³⁸

Именно учет этой страновой и региональной специфики поствотаритарного перехода определяет предпочтения, отдаваемые рядом политологов стратегии «политика прежде экономики» применительно к политическому курсу посткоммунистического развития в странах Восточной Европы и в России. Не претендуя на решение вопроса о стратегии поствотаритарного перехода в целом, эти авторы доказывают, что для большинства бывших коммунистических стран оптимальным выбором могла бы служить успешно апробированная в постфранкистской Испании модель осуществления экономических реформ после определенного «закрепления демократии». В частности, А.Ослунд утверждает, что, хотя прийти к общему выводу о наилучшей последовательности общественных преобразований при создании демократии и рынка достаточно сложно, тем не менее «для развитых стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза... демократизация представ-

³⁷ A.Aslund. The Case for Radical Reform. «Journal of Democracy», Vol.5, N.4, October 1994, p.72.

³⁸ L.E.Armijo et al. Op. cit., p.239.

ляется необходимым предварительным условием успешного перехода к рыночной экономике».³⁹

Еще категоричнее высказывается З.Бжезинский, считающий, что одним из важнейших уроков, который может быть извлечен из опыта первых посткоммунистических трансформаций, состоит в том, что «политическая реформа первична как основа для эффективной экономической реформы».⁴⁰ Хотя, пишет он, с чисто теоретической точки зрения можно говорить о необходимости авторитарной системы для поддержания порядка и дисциплины на «первой, критической фазе перемен» в посткоммунистических странах, все же после краха коммунистических режимов в Центральной Европе и Советском Союзе использование здесь авторитарной модели экономического перехода не представляется «возможным и желательным».⁴¹

Отмечая, что для либерализации экономики необходимо наличие в обществе соответствующего демократического консенсуса, современная политология подчеркивает и то, что этот консенсус должен быть «организован и институционализирован». Крайне важно, пишет, например, З.Бжезинский, чтобы «эйфория посткоммунистического энтузиазма», характеризующая первый этап перемен, была быстро и эффективно использована «для создания основ легитимных и формальных демократических процедур, с помощью которых будет осуществляться более долгосрочная экономическая реформа».⁴²

Роль субъективного фактора в процессе демократизации

Все сказанное выше свидетельствует как о чрезвычайной сложности проблем, стоящих на повестке дня в ходе поставторитарных переходов, так и о значительном влиянии, оказываемом на характер переходов поведением участвующих в решении этих проблем социальных и общественно-политических сил. Сегодня достаточно очевидно, что принявший широкий размах процесс демократизации не просто является некой объективной, а потому с фатальной неизбежностью реализующейся тенденцией современного этапа мирового развития, но и то, что он существенным образом детерминируется факторами субъективного порядка.

Вместе с тем, уяснение конкретного содержания и закономерностей этой детерминации представляет собой одну из наиболее трудных для

---

³⁹ A. Aslund, *Op. cit.*, p. 63.

⁴⁰ Z. Brzezinski, *Op. cit.*, p. 6.

⁴¹ *Ibidem.*

⁴² *Ibidem.*

теоретического обобщения проблем, с которыми столкнулась современная транзитология.

В течение довольно долгого времени в политической науке господствовала так называемая «культурологическая концепция» общественного развития, оформившаяся в связи с интересом исследователей к анализу факторов, обеспечивающих стабильность уже существующих, традиционных демократий. Эта концепция, основы которой были в значительной мере заложены в начале 60-х годов классической работой Г.Олмонда и С.Вербы⁴³, подчеркивала взаимосвязь между стабильностью демократической системы и характером массового сознания и политической культуры общества. В соответствии с получившей широкое признание точкой зрения, одним из наиболее важных факторов, обуславливающих функционирование демократии, является наличие в обществе особого набора разделяемых большинством граждан установок и ценностей, названного Г.Олмондом и С.Вербой «гражданской культурой».

Однако политические тенденции последнего периода поставили вопрос о роли субъективного фактора в общественном развитии в новой плоскости. Наряду с изучением факторов, обеспечивающих стабильность политических систем, существенное значение приобрело и уяснение факторов, способствующих их трансформации. «Третья волна» глобальной демократизации обусловила переориентацию интереса исследователей на анализ причин, условий и обстоятельств радикальных политических перемен, то есть появления новых демократий и их укрепления.

При этом осмысление различных страновых проявлений демократизации приводит значительную часть политологов, исследующих переходные процессы, к выводу о том, что «культурологическая концепция» не обеспечивает их адекватным методологическим инструментарием. Признавая в целом значение социально-психологических характеристик масс и состояния общественного сознания, современные транзитологи все чаще говорят однако о вторичности роли масс в нынешних политических трансформациях. По мере изучения новых общественных процессов все большее признание в современной политологии получает мнение о том, что представители элиты, а не массы являются важнейшим социальным субъектом общественно-политических трансформаций. В итоге наиболее авторитетной теорией «демократического перехода», объясняющей как его инициирование, так и его особенности и результаты, становится теория «возможного выбора».

Эта теория, разрабатываемая еще с начала 80-х годов в многочисленных исследованиях, посвященных анализу поставторитарных пере-

---

⁴³ G.A.Almond and S.Verba. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

ходов в странах Южной Европы и Латинской Америки⁴⁴, подчеркивает главенствующую роль политических элит и исходит из того, что выбор решений, принимаемых представителями элит как из рядов антиавторитарной оппозиции, так и из числа авторитарных правителей, является критически важным фактором, обуславливающим развитие и результаты трансформационных процессов. По мнению сторонников этой теории, к числу наиболее ярких представителей которых относятся такие авторитетные транзитологи, как Г.О'Доннелл, Ф.Шмиттер, А.Пжеворски и некоторые другие, возникновение новых демократий происходит не в результате массовых инициатив. Массы играют в данном процессе роль «ведомых». Особое же значение придается заключению между представителями различных групп элит основополагающих политических пактов, определяющих правила игры в ходе поставторитарного перехода.

Справедливость подобного понимания роли субъективного фактора в трансформационных процессах с достаточной очевидностью обнаруживается, в частности, при анализе общественных преобразований в современной России. Однако, если во многих других странах поставторитарного развития главенствующая роль элитных групп выявилась позитивным образом, реализовавшись благодаря их способности добиться успеха демократизации через стратегию пактов, то в России влияние элит на переходный процесс приобрело скорее негативный характер. Причем негативная роль, которую российская элита сыграла на этапе посткоммунистических перемен, отнюдь не исчерпывается ошибками, допущенными представителями новой власти в определении приоритетов осуществляемых ею преобразований или же в самом процессе их реализации. Конфликтность, возобладавшая в поведении различных представителей элиты, идейная нетерпимость и установки на победу над соперником, а не на достижение политического компромисса с ним, оказавшиеся свойственными практически всем элитным группам как антидемократической, так и демократической ориентации, не позволили применить в российских условиях стратегию «пактированного перехода». И это обстоятельство, добавившееся к многочисленным объективным трудностям переходного периода, существенно усугубило политическую напряженность в обществе.

В то же время выдвижение элиты в качестве главного социального субъекта политических трансформаций, ставшее одной из закономер-

---

⁴⁴ См. например: J.Hertz. *From Dictatorship to Democracy: Coping with the Legacies of Authoritarianism and Totalitarianism*. Westwood, 1982; T.L.Karl. *Dilemmas of Democratization in Latin America*. "Comparative Politics", Vol.23, 1990, pp.1-21; G.O'Donnell and Ph.Schmitter. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracy*. Baltimore, 1986; D.Share and Sc.Mainwaring. *Transitions Through Transition. Democratization in Brazil and Spain*. In: W.A.Selcher (Ed.). *Political Liberalization in Brazil*. Boulder, 1986.

ностей сегодняшнего этапа общественного развития, имеющей весьма неоднозначные последствия в разных социально-политических контекстах, вновь возвращает нас к проблематике общественного сознания и политической культуры. Сам по себе факт усиления роли политических элит как субъектов поставторитарных трансформаций не должен, на наш взгляд, заслонять значения культурологического контекста этих трансформаций. Однако речь следует вести о наличии между этим контекстом и политическим развитием более сложных опосредований, нежели те, которые были установлены «культурологической концепцией» в духе Г.Олмонда и С.Вербы.

С одной стороны, само поведение политических элит, выбор ими той или иной стратегии, а также взаимоотношения между их различными группами отражают свойственные данному обществу особенности политической культуры. Некоторые консервативные элементы массовой психологии и антидемократические конструкции политической культуры могут, как показывают, в частности, некоторые эмпирические исследования общественного сознания, присутствовать в сознании элитных групп в сравнительно ослабленном виде. Однако выражаемая на вербальном уровне приверженность ценностям демократии и принципам рыночной экономики далеко не всегда гарантирует следование этим ценностям и принципам в реальной жизни. Качественное сходство политической культуры масс и представителей элиты достаточно отчетливо обнаруживается на поведенческом уровне. Элита не только испытывает давление со стороны масс, реагируя на него принятием соответствующих общественным ориентациям и ценностям решений. Не менее важно и то, что она «несет» в самой себе все комплексы господствующей в обществе политической культуры, все ее стереотипы, заблуждения и установки. И, очевидно, было бы неоправданным рассчитывать, например, на способность элиты последовательно руководствоваться в своих действиях принципами демократической терпимости и согласования интересов в обществе, политической культуре которого подобные принципы достаточно чужды.

С другой стороны, сам социальный субъект общественных трансформаций выступает в разном качестве на разных этапах этих трансформаций. Концепция многоэтапности поставторитарного перехода существенным образом конкретизирует динамику происходящих в этой сфере перемен. Если на первом этапе, то есть на этапе инициирования демократического перехода и осуществления соответствующих институциональных перемен, основным субъектом общественных изменений, действительно, являются представители элитных групп общества, то на следующем этапе – этапе утверждения («консолидации») демократии – многократно возрастает роль массовых слоев общества. Само утверждение демократий происходит, как уже отмечалось выше,

в результате приобщения масс к ценностям демократии и усвоения ими «демократических правил игры».

Иными словами, концепция многоэтапности демократизации показывает, что характеристики «культурной среды», в которую «имплантируется» демократическая система, не имеют критически важного значения на стадии крушения авторитарных режимов и перехода к демократии (хотя и определяют, безусловно, многие особенности этого этапа). Но они приобретают определяющее значение с точки зрения перспектив демократизации, выживания новых демократических режимов, их способности утвердиться и обрести устойчивость.

Вместе с тем, в последнее время накапливается все больше свидетельств, заставляющих усомниться в существовании той (более или менее явно постулируемой традиционной «культурологической концепцией») прямолинейной зависимости между особенностями ценностно-нормативной структуры общества и состоянием демократии, которая, казалось бы, должна была бы реализовываться на этапе «утверждения» новой политической системы. Выясняется, что даже на той стадии демократизации, когда на первый план выступают задачи укрепления и стабилизации новой системы, ее перспективы неверно было бы жестко обуславливать лишь характером свойственной данному обществу политической культуры, ибо эта культура эволюционирует под влиянием происходящих в обществе процессов.

Правы, думается, те авторы, которые отмечают, что «гражданская культура может быть скорее результатом, чем причиной демократизации».⁴⁵ Действительно, в нынешней реальности именно развитие демократического процесса приводит к формированию соответствующих демократическому обществу структур общественного сознания. Однако этим взаимосвязи между культурным контекстом и политической сферой не исчерпываются. Стабильность демократии и демократический консенсус ее граждан находятся в довольно сложных, диалектических причинно-следственных отношениях, являясь двумя элементами одной и той же структуры. По мере того как демократия решает общественные проблемы, в обществе формируется и способствующий стабилизации системы позитивный консенсус в отношении демократии и характерных для нее процедур и институтов. Динамику этих взаимосвязей можно описать следующим образом: тогда, когда вновь возникшая, еще недостаточно зрелая и потому неустойчивая демократия демонстрирует свои, пусть еще ограниченные, но все же ощутимые для общества достоинства, она формирует элементы демократи-

⁴⁵ B.Zhang. Corporation, Totalitarianism and Transitions to Democracy. "Comparative Political Studies". Vol.27, N.1, April 1994, p.110; Об этой же модели детерминаций см.: E.N.Muller and M.A.Seligson. Civic Culture and Democracy: the Question of Causal Relationships. "American Political Science Review", Vol.88, 1994, pp.635-652.

ческого консенсуса, который, в свою очередь, придает новой демократии определенную стабильность, позволяет ей решать более сложные проблемы, повышая ее эффективность и, тем самым, увеличивая ее способности к укреплению и дальнейшему расширению демократических ориентаций в массовом сознании.

Демократия без демократов

Отмеченные взаимосвязи и взаимовлияния, существующие между общественным сознанием и изменениями в политической системе, во многом отражают уникальность нынешних трансформационных процессов, обусловленную специфическим состоянием того «культурного контекста», в котором они развиваются. Одна из достаточно парадоксальных особенностей «третьей волны демократизации» состоит в том, что в подавляющем большинстве поставторитарных стран «переход» к демократии происходит без наличия соответствующих культурологических предпосылок того, что грузинский политолог Г.Нодиа называет «органической трансформацией»⁴⁶, то есть при отсутствии ценностной приверженности масс естественным для демократической системы принципам и нормам социального поведения. Формулируя эту проблему, некоторые политологи говорят о своеобразном феномене рождения сегодня «демократий без демократов».

Одним из первых реальность подобного феномена подчеркнул еще в 1970 году Д.Растоу, отметивший в своей классической статье «Переходы к демократии»⁴⁷ возможность создания демократий людьми, не являющимися по своим убеждениям демократами. Обстоятельства, как заметил Д.Растоу, могут заставить представителей политической элиты в авторитарной системе изменить свои мнения по поводу достоинств диктатуры и поддержать демократию не как некую самоценность, а как «меньшее зло».⁴⁸

Политические процессы последних десятилетий предоставляют множество подтверждений преобладания в наши дни именно такого рода логики выбора в пользу демократии, характеризующей не только политические элиты, но и широкие слои граждан. В частности, Г.О'Доннелл, анализируя реальности демократической трансформации на богатом материале Латинской Америки, констатирует, что в поставторитарных обществах явно ощущается недостаток «демократиче-

⁴⁶ Gh.Nodia. How Different are Postcommunist Transitions? «Journal of Democracy», Vol.7, N.4, October 1996, p.20-23.

⁴⁷ D.A.Rustow. Transitions to Democracy – Toward a Dynamic Model. «Comparative Politics», Vol.2, N.3, April 1970, pp.337-363.

⁴⁸ Ibid., p.344.

ских акторов» – людей, приверженных ценностям политической демократии и принципам демократической практики.⁴⁹

Состояние общественных настроений, позволяющее осуществить в авторитарных странах первоначальные демократические трансформации, несмотря на существенный дефицит демократической политической культуры, Дж.Нелсон определяет как «негативный консенсус», сутью которого является массовое недовольство прежним авторитарным режимом и осознание большей частью граждан провала старых экономических и политических институтов и стратегий.⁵⁰ Наличие этого «негативного консенсуса» обеспечивает общественное согласие на этапе «деструктивных» перемен, то есть на этапе разрушения прежней авторитарной системы. Однако, как справедливо подчеркивает Дж.Нелсон, в ходе дальнейших экономических и политических изменений возникает настоятельная потребность в «позитивном консенсусе». По сути дела, речь идет о невозможности успешного продвижения по пути поставоритарного развития без общественного согласия относительно принципов, на которых должна осуществляться фундаментальная общественная трансформация. Одним из необходимых условий осуществления «конструктивных» преобразований становится, по крайней мере, общее понимание конечных целей реформ и согласие относительно желаемых форм общественного устройства. Говоря об экономической стороне преобразований, Дж.Нелсон отмечает, например, что «успех экономических реформ... зависит не только от приверженности правительства их реализации, но и от того, существует ли (или может ли возникнуть в ближайшем будущем) более широкий общественный консенсус по отношению к основным направлениям, по которым должна развиваться страна».⁵¹ То же самое может быть сказано и вообще о поставоритарных преобразованиях в целом.

И с этой точки зрения наличие или отсутствие таких социально-психологических, культурологических предпосылок реформирования общества приобретает особое значение. Отсутствие «позитивного консенсуса» в отношении к осуществляемым преобразованиям не только лишает массы способности стать субъектом конструктивного этапа перемен, но и существенно замедляет темпы этих перемен, препятствуя, как уже отмечалось выше, переходу общества к утверждению демократии. Факты свидетельствуют о том, что в бывших коммунистических странах формирование этого «позитивного консенсуса» проходит с особыми трудностями.

---

⁴⁹ G.O'Donnell. Transitions, Continuities and Paradoxes. Op.cit., p.20.

⁵⁰ J.Nelson. Linkages Between Politics and Economics. «Journal of Democracy», Vol.5, N.4, October 1994, pp.49-62.

⁵¹ Ibid., p.55.

Одним из факторов, объясняющих такое положение, является чрезвычайно болезненная реакция граждан в большинстве посткоммунистических стран на материальные тяготы, порождаемые как субъективными ошибками новой власти при осуществлении радикальных преобразований в экономической сфере, так и особой объективной сложностью этих преобразований.

Характеризующие общественные настроения импульсы к демократическим переменам, обусловленные глубоким разочарованием масс в прежних условиях существования, оказываются неустойчивыми, способными перерасти в некую глубинную приверженность принципам демократии в случае отсутствия позитивных результатов функционирования новой политической системы. По мере затягивания экономического кризиса, сопровождающегося резким ухудшением социально-экономического положения широких слоев населения и ослаблением управляемости общественными процессами, в обществе, как уже отмечалось, накапливаются новые разочарования, радикализм которых усиливается склонностью большей части масс связывать с демократизацией в первую очередь надежды на улучшение материальных аспектов жизни и на большую социальную справедливость. Эти тенденции в большей или меньшей степени проявляются во всех посткоммунистических странах Восточной Европы. Судя по результатам различных социологических исследований, везде здесь обнаруживается довольно существенная ностальгия по прошлому и определенное усиление массового влечения к авторитарным вариантам развития, к «сильной руке».⁵²

Конечно, склонность масс оценивать достоинства демократии главным образом по ее способности обеспечивать социально-экономическое благоденствие граждан не является отличительной особенностью одних лишь посткоммунистических обществ. Аналогичное преобладание в массовом сознании «инструменталистского» отношения к демократии фиксируется и конкретно-социологическими исследованиями, проведенными в ряде других стран, переживающих поставторитарные преобразования. Их массовая поддержка не только в посткоммунистических государствах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, но и в странах Южной Европы и Латинской Америки была обусловлена, по крайней мере на первом этапе демократизации, преимущественно тем, что от демократии ожидалось решение экономических и социальных проблем, улучшение материальных сторон существования, сокращение безработицы и т.п. Практически во всех

---

⁵² См. например: R.Rose and W.Mishler. *Reacting to Regime Change in Eastern Europe: Polarization or Leaders and Laggards?* Studies in Public Policy N.210, Glasgow, 1993; R.Rose and W.Mishler. *What are the Alternatives to Democracy in Post-Communist Societies?* Studies in Public Policy N.248, Glasgow, 1995; R.Rose. *Where are Postcommunist Countries Going?* «Journal of Democracy», Vol.8, N.3, July 1997, pp.92-108.

поставторитарных странах лишь для меньшинства населения политические свободы и возможность менять правительство путем свободных выборов стояли на первом плане как фактор, определяющий отношение к демократическим переменам.

Однако в бывших коммунистических странах связь между массовой поддержкой политической демократии и ожиданиями от нее экономических благ просматривается наиболее отчетливо. Подобная особенность общественного сознания дала основание ряду политологов прогнозировать, что ухудшение экономических условий в посткоммунистических странах снизит шансы на укрепление здесь демократий и вызовет отчуждение масс от демократических институтов. Так, американские исследователи экономических аспектов демократизации прямо пишут о том, что «общая эрозия веры в способность демократических правительств управлять экономикой повлечет за собой усиление привлекательности авторитарных решений не только среди элиты, но и среди масс». ⁵³ «Экономический спад, – утверждают они, – может повернуть вспять демократизацию также и косвенным образом, способствуя усилению преступности, забастовочных выступлений, бунтов, гражданского насилия и поляризации между крайне левыми и правыми группами населения... Короче говоря, экономическая политика и эффективность власти обусловят будущее демократии, так же как они обусловили и переходы к ней». ⁵⁴

Кризисные процессы в экономике посткоммунистических стран, действительно, повлекли за собой существенное размывание массовых ожиданий, связывавшихся с победой демократических сил. Некоторые транзитологи усматривают в этих тенденциях реализацию весьма пессимистических сценариев посткоммунистического развития, в рамках которых демократизация, по сути дела, блокируется состоянием общественного сознания. Например, американский политолог Ч.Гати считает, что широко распространившиеся в восточноевропейских странах настроения недовольства ходом общественных преобразований представляют собой некий «системный вызов сущностным характеристикам демократии западного типа». Речь в этих странах идет, на его взгляд, о выборе не между демократами разного типа, а между сторонниками демократии и ее противниками – авторитарными и полуавторитарными националистами, почвенниками, популистами, коммунистами и демагогами разных оттенков. Хотя чисто абстрактно большинство людей в этих странах ценят такие качества демократии, как свобода слова, справедливая правовая система или же разделение властей,

⁵³ St.Haggard and R.Kaufman. The Political Economy of Democratic Transition. «Comparative Politics», Vol.29, N.3, April 1997, p.280.

⁵⁴ Ibidem.

на практике они отвергают, по мнению Ч.Гати, реально существующую демократию и испытывают влечение к сильному, патерналистскому лидеру, который будет заботиться об их благополучии.⁵⁵

Вместе с тем и результаты массовых опросов, и реальное политическое поведение граждан в большинстве посткоммунистических стран свидетельствуют о том, что эти негативные социально-психологические тенденции не следует переоценивать. Имеющее место в странах Восточной Европы недовольство функционированием новых режимов отнюдь не вызывает массового желания вернуться к прежней коммунистической системе или перейти к какой-то иной форме антидемократического правления. Такого рода политические установки в посткоммунистических странах, безусловно, существуют и даже в известной мере усиливаются. Ошибкой было бы, однако, трактовать их как наиболее характерное выражение разочарования масс в нынешней посткоммунистической реальности. Широкое недовольство нынешними условиями жизни и действиями нынешней власти в большинстве случаев все же сочетается с установками на продолжение политических и экономических реформ.⁵⁶

И в этом смысле достаточно убедительное подтверждение получают высказанные еще в начале 90-х годов суждения Г.О'Доннелла, который, констатировав дефицит «демократических акторов» в поставторитарных обществах, подчеркнул тем не менее, что перспективы демократизации вовсе не выглядят безнадежными. В качестве важного фактора, внушающего определенный оптимизм, Г.О'Доннелл отметил то обстоятельство, что большинство населения в поставторитарных обществах, не будучи по своим убеждениям «демократами», придерживается все же «антиавторитарных позиций». Это население, по мнению авторитетного транзитолога, действительно, может не очень хорошо понимать предпосылки, необходимые для функционирования демократии, более того, оно даже может следовать «авторитарной практике» в разных сферах жизни. Но оно твердо знает, что «не хочет возврата к тому авторитарному или военному режиму (как бы он ни назывался), который еще недавно ему приходилось терпеть».⁵⁷ Наличие этого «электорального большинства, которое антиавторитарно, хотя и не отчетливо демократично», Г.О'Доннелл охарактеризовал как «источник основного политического капитала», который может быть использован сторонниками демократии.⁵⁸

⁵⁵ Ch.Gati. If Not Democracy, What? Op.cit., p.177

⁵⁶ См. R.Rose, W.Mishler, Chr.Haerpfer. Democracy and its Alternatives. Understanding Post-Communist Societies. Baltimore, 1998

⁵⁷ G.O'Donnell. Transitions, Continuities and Paradoxes. Op.cit., p.20.

⁵⁸ Ibidem.

Думается, что, характеризуя социально-психологический климат в сегодняшней России, можно говорить о том, что проявляющиеся в той или иной мере во всех посткоммунистических странах тенденции роста общественных разочарований и недовольства существующей реальностью приобрели в нашей стране не только особенно масштабный характер, но и обладают определенной качественной спецификой. Тогда как в большинстве восточно-европейских стран, так же как и в поставторитарных странах Южной Европы и Латинской Америки, общественные разочарования в функционировании демократических институтов, вопреки тому, что пишут некоторые авторы, как правило, все же не отвергают общество в соблазн «отвернуться» от демократии как таковой, хотя и, несомненно, затрудняют ее «утверждение», в России достаточно широкое распространение получает в последние годы именно интерес к антидемократическим сценариям общественного развития.

В сегодняшней России в гораздо большей степени, чем во многих других «переходных обществах», сознание масс характеризуется неспособностью отделять суждения о «действующей власти», то есть о находящихся у власти конкретных правителях, от суждений о «политической системе». В свое время С.Хантингтон лаконично констатировал: «Демократия не означает решения проблем; она означает лишь возможность смещения правителей».⁵⁹ Иными словами, демократия как таковая не гарантирует автоматическое решение возникающих в обществе проблем. Она лишь обеспечивает возможность смещения не справившихся с их решением лидеров. И именно усвоение этой несложной истины значительной частью граждан в поставторитарном обществе рассматривается многими политологами как достаточное свидетельство прогресса в процессе «демократического перехода».⁶⁰ В России, однако, недовольство масс результатами деятельности правительства слишком часто трансформируется в желание сменить не столько конкретных руководителей страны, сколько политическую систему.⁶¹ То есть, в отличие от большинства других поставторитарных стран, где при всем изначальном дефиците либерально-демократической политической культуры основная масса населения все же отчетливо проводит различие между демократией как некой предпочтительной формой правления и конкретным функционированием существующих демократических институтов и ли-

⁵⁹ S.Huntington. *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, 1991, p.262-263.

⁶⁰ G.Pridham. Introduction. In: G.Pridham (Ed.), *Transitions to Democracy. Comparative Perspectives from Southern Europe, Latin America and Eastern Europe*, Dartmouth, 1995, p.xiv.

⁶¹ По данным Аналитического центра Института социально-политических исследований, 38-40 % россиян на протяжении ряда лет в конце 90-х годов говорили о том, что их «не устраивает» политическая система, сложившаяся в России, и что ее «необходимо радикально изменить» («Социс», № 2, 1998, стр.156)

деров, в России весьма характерной тенденцией эволюции общественных настроений во второй половине 90-ых годов становится охлаждение к демократическому выбору страны.

Гражданское общество и посткоммунистическая демократизация

В качестве другого фактора, затрудняющего формирование «позитивного» демократического консенсуса в посткоммунистических странах вообще и особенно в России, современная транзитология рассматривает крайне слабую развитость здесь структур гражданского общества.

Считая, что судьбы поставторитарных преобразований самым непосредственным образом зависят от наличия предпосылок к развитию демократически ориентированного гражданского общества, многие исследователи подчеркивают особо неблагоприятное влияние на процессы демократизации, оказываемое наследием коммунистической эпохи. Авторитарные режимы в Южной Европе и Латинской Америке, нанеся существенный урон гражданскому обществу, все же не подавили его в такой степени, как это было сделано коммунистическими режимами. Граждане, выразившие несогласие с авторитарными режимами, поплатились за это своими правами, а иногда и жизнью, пишет, например, Р.Роуз. Но далеко не все институты гражданского общества были при этом полностью уничтожены.⁶² Существенные успехи демократизации, достигнутые рядом стран Южной Европы и Латинской Америки, были во многом предопределены тем, что гражданское общество в поставторитарный период развивалось здесь не на пустом месте, и тем, что в сознании масс присутствовали определенные элементы толерантности и либеральных ценностей.

Значительно более сложной оказалась ситуация в посткоммунистических странах и особенно в России и других государствах бывшего Советского Союза. В докоммунистическом прошлом части из этих стран, отмечают некоторые политологи, в лучшем случае могут быть обнаружены лишь некие зачаточные формы гражданского общества. При этом структуры, которые действительно существовали здесь в прошлом, были не просто подавлены, но практически уничтожены в период коммунистического правления.⁶³ И с этим оказались связанными многие специфические трудности и проблемы посткоммунистического перехода.

⁶² R.Rose. Where are Postcommunist Countries Going? Op.cit., p.93

⁶³ S.M.Terry. Thinking about Post-Communist Transitions. How Different are They? «Slavic Review», Vol.52, N.2, 1993, p.336

Вместе с тем, говоря о взаимосвязях между характером посткоммунистической демократизации и состоянием гражданского общества, неверным было бы ограничиваться лишь констатацией его недостаточной развитости и особых сложностей его формирования. Десятилетний опыт общественно-политических преобразований в бывших коммунистических странах представляет немало оснований для более трезвого осмысления самой концепции гражданского общества как фактора, оказывающего якобы безусловно благотворное воздействие на процесс демократических трансформаций.

С начала посткоммунистических изменений в Восточной Европе и в России не было, пожалуй, идеи, столь сильно захватывавшей воображение не только либерально-демократической интеллигенции в этих странах, но и политических деятелей и аналитиков на Западе, нежели идея «гражданского общества» как важнейшей движущей силы демократизации. В сознании многих политиков и специалистов, размышлявших в этот период о посткоммунистических преобразованиях и стремившихся придать им демократическую направленность, широко распространилось убеждение в том, что исходящая снизу, независимая от власти общественная активность, опирающаяся на развитую сеть автономных от государства социальных институтов и объединений, является существеннейшим условием упрочения демократической системы.

Тот факт, что гражданское общество играет весьма значительную роль в процессах демократизации и функционирования демократического общества, действительно, подтверждается множеством исторических примеров. Однако сегодня все очевиднее становится и то, что в ряде посткоммунистических стран, и в том числе в России, концепция гражданского общества подверглась определенным упрощениям, что мнения о наличии принципиальных взаимосвязей между ходом демократических преобразований и расширением сферы независимого гражданского общества несут на себе отпечаток определенной фетишизации роли последнего. Между гражданским обществом и демократией ставится чуть ли не знак равенства.

Такая трактовка исходит, по сути дела, из достаточно одномерного, если не сказать, мифологизированного представления о гражданском обществе как о чем-то едином в своем противостоянии государству, едином в давлении на власть ради обеспечения устойчивости демократической практики и углубления демократических начал общественной жизни. Иными словами, гражданское общество предстает в такой трактовке лишь как естественная среда существования демократии, как фактор, постоянно способствующий воспроизводству демократических принципов жизнедеятельности общественного организма.

Между тем реальные особенности гражданского общества, формирующегося и функционирующего в посткоммунистических условиях,

делают почти очевидной упрощенность такого его понимания. И в этом плане симптоматичным представляется появление в последнее время значительно более осторожных, а в некоторых случаях даже и открыто пессимистических суждений ряда западных и восточно-европейских политологов по данной проблематике. Одни авторы, как, например, авторитетный американский исследователь Л. Даймонд, в целом сохраняя убежденность в том, что гражданское общество выполняет позитивную функцию, утверждают в то же время, что сегодня необходимо пересмотреть прежние однозначные толкования роли гражданского общества в процессах демократизации и осмыслить не только тот «вклад», который оно вносит в становление демократии, но и те «противоречия и напряженности», которые оно создает.⁶⁴ Другие авторы начинают вообще сомневаться в эффективности «стратегии гражданского общества» в демократических преобразованиях бывших коммунистических стран. Примером подобной точки зрения является, в частности, позиция польского ученого А. Смолара, который считает, что бурное увлечение концепцией гражданского общества, существовавшее несколько лет назад, сменяется явным охлаждением к ней и что разговоры о гражданском обществе (о гражданских комитетах, движениях, клубах, ассамблеях и т.д.) затихли и ведутся в последнее время преимущественно лишь среди интеллектуалов.⁶⁵ Сходную позицию занимает и американский политолог О. Энкарнасьон, подчеркивающий, что «представление о том, что гражданское общество может служить мотором демократической трансформации бывших авторитарных и тоталитарных обществ, хотя и является привлекательным, имеет глубокие изъяны».⁶⁶

Очевидно, оценивая подлинное состояние гражданского общества и его действительный вклад в процессы посткоммунистического развития, следует учитывать как масштабы стремления масс путем самоорганизации и защиты своих интересов добиваться лучшей жизни, так и то, что понимается массами под этой лучшей жизнью. отождествлять гражданское общество с распространением вглубь одной лишь либерально-демократической идеологии значит явно упрощать ситуацию. С предлагаемыми этой идеологией ответами на вопрос о предпочитаемых формах жизни активно конкурируют сегодня в посткоммунистическом мире и ответы, даваемые социалистической и националистической идеологиями. Нередко объединяющей силой в формирова-

⁶⁴ L. Diamond. Toward Democratic Consolidation. «Journal of Democracy», Vol.5, N.3, 1994 (pp.4-17)

⁶⁵ A. Smolar. From Opposition to Atomization (Civil Society After Communism). «Journal of Democracy», Vol.7, N.1, 1996 (pp.24-38)

⁶⁶ O.G. Encarnacion. Tocqueville's Missionaries. Civil Society Advocacy and the Promotion of Democracy. «World Policy Journal» Vol.XVII, N.1, Spring 2000, p.10.

нии многих из неформальных организаций, образующих структуру гражданского общества, является не столько противопоставление граждан стремящейся к бесконтрольности государственной власти, сколько противопоставление одной части граждан другой по этническим и классовым признакам.

В результате на уровне гражданского общества не только не развиваются тенденции к консолидации нации на базе «демократического консенсуса», но, напротив, усиливается ее фрагментированность, углубляются пропасти взаимного непонимания и отчужденности, получает постоянную подпитку конфронтационная политика.⁶⁷ Как отмечает американская исследовательница С.Терри, возникавшие в ряде посткоммунистических стран в процессе их трансформаций оппозиционные группы далеко не всегда способствовали приобщению масс к практике демократической политики. Вместо этого широкое распространение получала фрагментация и персонализация политической жизни, в которой конфронтация начинала преобладать над компромиссом, а электорат оказывался отчужденным и пребывающим в замешательстве.⁶⁸

В ряде посткоммунистических стран развитие гражданского общества оказалось сопряженным с его «избыточной» активизацией, способствовавшей не структурированию общества, а, напротив, его фрагментации и атомизации. Возникновение бесчисленного множества партий усиливало здесь политическую нестабильность и конфликтность. На выборах 1990 года в восточноевропейских странах предстала картина крайней разобщенности гражданского общества. На местных выборах в Польше в мае 1990 года соперничало 240 организаций, включая 80 политических партий, сформировавших 40 различных коалиций. В Чехословакии появилось в то время 37 политических партий, на выборах соперничало 22 партии, движения и коалиции. В Венгрии действовали 50 политических партий, из которых лишь 6 крупнейших могли соперничать во втором туре выборов.⁶⁹ В фактор гораздо более устойчивого характера, чем в Восточной Европе, подобный мультиплюрализм превратился в России.

Не менее существенно и то, что в структурах гражданского общества в значительной мере аккумулируются не импульсы к углублению социальных преобразований, к совершенствованию возникающей политической системы и дальнейшему «продавливанию» подлинной демократии во все поры общественной жизни, а скорее импульсы при-

⁶⁷ Подробнее об этих тенденциях см. Г.Вайнштейн. Формирование гражданского общества: ожидания и социально-психологическая реальность. В кн. «Гражданское общество в России: структуры и сознание». М., 1998, стр.204-220.

⁶⁸ S.M.Terry. Thinking About Post-Communist Transitions. Op.cit., p.336.

⁶⁹ G.Ekiert. Democratization Processes in East Central Europe: A Theoretical Reconsideration. «British Journal of Political Science», 1991, Vol.21, p.312.

способления к сложившимся на сегодня формам жизни. Такое приспособление предполагает паразитирование на пороках незрелой посткоммунистической демократии, а не их устранение, использование отдельными группами общества в своих интересах слабости государственной власти и извлечение ими, нередко с помощью криминальных методов, выгод из этой ситуации.

Таким образом, дальнейшее развитие институтов гражданского общества в посткоммунистических странах дает немалые основания для пересмотра сугубо оптимистического представления о них как о своеобразной школе демократического воспитания масс и некоем инструменте их приобщения к демократической практике общественно-политической жизни. В литературе, посвященной анализу не только посткоммунистических, но и вообще поставторитарных переходов, все чаще обращается внимание на существование угроз гражданскому обществу со стороны «негражданских» элементов. В частности, известный транзитолог Л.Уайтхед подчеркивает, что эти элементы распространены и достаточно сильны во многих из новых демократий, где они зачастую игнорируются теми, кто скорее, как он пишет, фетишизирует, чем анализирует концепцию «гражданского общества».⁷⁰ Развивая мысль Л.Уайтхеда, английская исследовательница Дж.Пирс отмечает, что «хорошо организованный криминал является одним из таких негражданских элементов, который нельзя сегодня игнорировать во многих латиноамериканских странах, не говоря уже о Восточной Европе или о странах бывшего СССР».⁷¹

Можно, конечно, говорить о том, что многие из возникающих в последнее время в посткоммунистических странах низовых, независимых групп и организаций граждан не являются составной частью гражданского общества, поскольку их действия не соответствуют демократическим критериям. И склонность к подобному отлучению от гражданского общества разного рода мафиозных структур, криминализованных групп, ассоциаций шовинистов, националистов, религиозных фанатиков, носителей идей классовой нетерпимости и т.п., действительно, характерна для многих поборников концепции гражданского общества. Однако такой подход мало что дает для понимания реального процесса посткоммунистической демократизации. Он лишь подтверждает довольно тривиальную истину о том, что демократически ориентированное гражданское общество способствует демократической трансформации.

---

⁷⁰ L.Whitehead. Bowling in the Bronx.: The Uncivil Interstices Between Civil and Political Society. «Democratization», Vol.4, N.1, 1997 (Special Issue), pp.94-114.

⁷¹ J.Pearce. Civil Society, the Market and Democracy in Latin America. «Democratization», Vol.4, N.2, Summer 1997, p.72.

Вместе с тем неверно было бы закрывать глаза на тот факт, что мотивом сплочения людей и их «независимой» активности нередко оказывается стремление отнюдь не только к одним благородным целям. С этой точки зрения совершенно справедливым представляется мнение известного американского специалиста по проблемам гражданского общества Т.Каротерса: «Признание того, что люди в любом обществе объединяются и прилагают совместные усилия для достижения как достойных, так и низких целей, является ключевым для развенчания идеи гражданского общества».⁷²

И действительно, демократическая ориентация – только одна из возможных характеристик даже развитого гражданского общества. Например, в ряде стран мусульманского Востока можно наблюдать наличие достаточно зрелых элементов гражданского общества в виде религиозных организаций, сплачиваемых идеологией агрессивного и непримиримого исламского фундаментализма. Далеким от благотворного может быть влияние развитого гражданского общества на судьбы политической демократии и в европейской стране, о чем свидетельствует, например, исторический опыт веймарской Германии. Американские политологи, осуществившие сравнительный анализ политического развития в современной России и Германии 30-х годов, отмечают, в частности: «Пример веймарской Германии показывает, что при определенных структурных условиях... высокоразвитая партийная система и гражданское общество могут в равной мере способствовать появлению как фашизма, так и стабильной демократии».⁷³ Аналогичная точка зрения аргументируется в исследовании профессора Принстонского университета Ш.Бермана, приходящего к выводу, что не только слабое, но и сильное гражданское общество может стать причиной опасных тенденций общественного развития. Отмечая, что многие из «последствий ассоциативности», которые принято считать факторами, укрепляющими демократию (обогащение индивидов политическим и социальным опытом, упорочение связей между гражданами, облегчение политической мобилизации, снижение препятствий к коллективной деятельности и т.п.), в действительности могут приводить «как к демократическим, так и к антидемократическим результатам»,⁷⁴ он полагает, что самодеятельную, независимую от государства ассоциативность граждан следует, возможно, рассматривать в качестве «политически нейтрального фактора, по сути своей не являющегося ни плохим, ни хорошим»,⁷⁵ чья роль зависит скорее от более широкого политического контекста».

⁷² Th.Carothers. Civil Society. «Foreign Policy», Winter 1999-2000, p.20.

⁷³ A.E.Hanson, J.S.Kopstein. The Weimar / Russia Comparison. «Post-Soviet Affairs», 1997, V.13, N.3, p.276.

⁷⁴ Sh.Berman. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic. «World Politics», April 1997, p.426-427.

⁷⁵ Ibid., p.427.

Практически такое же мнение высказывается и упомянутым уже американским политологом О.Энкарнасьоном. «Воздействие гражданского общества на демократию, – отмечает он, – является, в лучшем случае, нейтральным. Хотя гражданское общество может помочь демократии, оно может и навредить ей и даже помочь ее разрушить. Влияние гражданского общества на процесс демократизации представляется определяемым не коллективной силой его различных компонентов, а теми политическими и экономическими условиями, в которых оно существует. Эти условия диктуют характер реагирования гражданского общества на демократию».⁷⁶

Одним из итогов происходящей в последнее время переоценки зарубежной политологией концепции гражданского общества является вывод о том, что оно может способствовать упрочению демократии лишь в том случае, если следует определенным правилам. И одним из таких правил, судя по всему, чаще всего нарушаемым в посткоммунистических обществах, и в особенности в российском, является установление здоровых, взаимополезных отношений между гражданским обществом и властью.

Сторонники концепции гражданского общества очень часто рассматривают в качестве одного из важнейших условий усиления его роли в общественно-политическом развитии соответствующее ослабление государства и уменьшение влияния институтов государственной власти. Для многих представителей либерально-демократических сил борьба за гражданское общество как бы отождествляется с борьбой против государства. Подобное понимание отношений гражданского общества и власти является, в частности, чрезвычайно характерной особенностью либерально-демократических сил в России. И это имеет, конечно, свои глубокие исторические и социально-психологические основания.

Многовековая российская история безраздельного господства властных структур и подавления ими всяческих проявлений независимой гражданской инициативы способствовала формированию взгляда на государство и гражданское общество как на непримиримых противников. В таком культурологическом контексте довольно естественным оказывается стремление построить отношения гражданского общества с властью на принципах «игры с нулевой суммой», когда сила и успех одного возможны лишь при слабости и поражении другого. Однако в рамках демократической системы отношения государственной власти и гражданского общества должны строиться на иных принципах. Выражая и отстаивая интересы граждан, защищая их от государства, гражданское общество само по себе не способно удовлетворить значительную часть требований масс. Это может быть сделано только государством, и чем

---

⁷⁶ O.G.Encarnacion. Tocqueville's Missionaries. Op.cit., p.16.

сильнее государство, тем шире его возможности удовлетворения общественных интересов. Иными словами, в рамках демократического устройства государство не должно ставить своей целью подавление гражданского общества, как это происходит в авторитарной и тоталитарной системах, а должно видеть его специфическую роль в создании демократии. С другой стороны, гражданское общество должно быть заинтересовано в существовании не просто «ограниченного», то есть не вытягивающего все жизненные соки из общества государства, но и государства сильного, к которому можно не только адресовать требования, но и от которого можно ожидать, что благодаря своей силе оно эти требования способно удовлетворить. «Ничто не наносит большего вреда развитию гражданского общества, – подчеркивают сегодня зарубежные политологи, – нежели слабое летаргическое государство».⁷⁷

Такой подход ставит в повестку дня пересмотр отношения к демократии как к «свертыванию» государства. «Переход к демократии, – совершенно справедливо отмечал еще в начале 90-х годов польский политолог Гж.Экиерт, – наиболее вероятен в ситуациях, в которых сила государства и гражданского общества увеличиваются одновременно».⁷⁸ Сегодня это мнение звучит в политологической литературе все чаще, все более убедительным образом обосновываясь анализом реальной (как позитивной, так и негативной) практики посткоммунистических трансформаций.

Ясно, что отказ от отношений с государством, основанных на принципах «игры с нулевой суммой», предполагает и утверждение соответствующей компромиссной культуры этих отношений. Гражданское общество не должно злоупотреблять узкоэгоистическими требованиями. Оно должно быть озабочено сохранением баланса между интересами общества в целом и интересами отдельных институтов и секторов гражданского общества, в частности.

И с этой точки зрения, специалисты, пишущие о недостатках современной российской системы как о проявлении слабости гражданского общества, объясняемой спецификой «гражданской культуры» и трудностями становления независимой гражданской активности, вскрывают лишь часть проблемы. В действительности же гражданское общество трудно складывается в России не только из-за особенностей общественного сознания, но и из-за состояния государства, из-за его слабости и неспособности удовлетворить интересы граждан. Без этого гражданское общество «вращается вхолостую», порождая разочарования людей в возможностях гражданской активности или же их желание найти некую антидемократическую альтернативу.

⁷⁷ Th.Carothers. Civil Society, Op. cit., p. 26.

⁷⁸ G.Ekiert G. Democratization Processes in East Central Europe. Op.cit., p. 311.

* * *

Рассмотренные выше вопросы, конечно, не исчерпывают весь комплекс методологических проблем анализа посткоммунистических трансформаций. Они, скорее, лишь очерчивают некоторые из его тем, обращая внимание на существенные противоречия и трудности демократических процессов в посткоммунистических странах. Дальнейшее исследование этих процессов, предполагающее, естественно, определенное расширение затронутой проблематики, представляется необходимым условием более глубокого теоретического осмысления одного из сложнейших феноменов общественного развития в современном мире.